

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 623.718

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XI

Buenos Aires, martes, 13 de septiembre de 1960

Буэнос Айрес, вторник 13 сентября 1960 года № 555

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

145. ИНСЦЕНИРОВКА ПРОЦЕССА ЛЕТЧИКА ПАУЭРСА. — СТРАННОЕ НАЗНАЧЕНИЕ В. М. МОЛОТОВА. — НЕКОТОРЫЕ ДЕТАЛИ СУДА НАД АРХИЕПИСКОПОМ ИОВОМ КАЗАНСКИМ И ЧИСТОПОЛЬСКИМ. — СООБЩЕНИЯ О МОНАРХИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЯХ В КАЗАХСТАНЕ.

Как известно читателям, процесс над американским летчиком закончился и приговор к 10-летнему заключению одним кажется слишком мягким, а другим слишком суровым. Но я хотел бы обратить внимание читателей на некоторые подробности процесса, незамеченные наивными западными наблюдателями, но которые ясно доказывают, что каждая произнесенная на суде фраза была заранее разучена обеими сторонами: летчик Пауэрс заранее знал, какие вопросы ему зададут и уже заранее выучил наизусть то, что прокурор велел ему ответить.

На самом деле, главный вопрос, который возбуждает больше всего сомнений — на какой высоте и как был сбит самолет, который так удачно упал, что все находившиеся на нем предметы ничуть не пострадали? — совершенно не затрагивался. Пауэрсу было велено сказать, что он летел все время на высоте 20 километров, что его заверили при отправке в опасную миссию, что на этой высоте его не достигнет зенитная артиллерия и именно на этой высоте он и был так хорошо сбит, что не имел даже легкой контузии и не пострадала сложная аппаратура, установленная на аппарате. Чтоб ему не сбиться, прокурор разрешил ему сказать, что он почувствовал, что “что-то” взорвалось за аппаратом, он увидел оранжевую вспышку, поднял над головой фонарь кабины, отстегнул ремни и выбросился. Свидетели показали, что на нем не было ни одной царапины, но он не оказал сопротивления. Все его оружие, — пистолет и нож легко отобраны задержавшим его инвалидом. Если бы полет совершался в мирных условиях, то Пауэрс получил бы поздравления за удачный спуск, а советских артиллеристов следовало бы вознаградить за установленный ими новый метод сбивания самолетов с высоты 20 километров без всяких повреждений для аппаратуры и экипажа.

Прокурор в своей речи подробно перечислял: турбореактивный двигатель, магнитофон, блок подрыва с дистанционным управлением, карты и записи летчика, радиоприемопередатчик, которые все прекрасно сохранились с обозначением фирм, изготовлявших сложную аппаратуру.

Вся техническая сторона была на допросе смазана, а вместо этого летчик, для возбуждения смеха у советских зрителей процесса, рассказывал о посещении базы в Турции кардиналом Спельманом, что никакого отношения к его полету и деятельности самой базы не имело.

Прокурор и работники государственной безопасности настаивали именно на том, чтобы Пауэрс воздержался от всяких объяснений по поводу своего странного спуска и обстоятельств, при которых он оказался на земле; поэтому только по возвращении на родину отец Пауэрса сообщил о том, что сын сказал ему впопыхах на свидании, после приговора, что его самолет не был сбит; тогда становятся понятны его слова: “что-то взорвалось за аппаратом, после чего аппарат стал падать”. Это позволяет думать, что произошла порча

мотора, что вызвало спуск аппарата на доступную для советских наблюдателей высоту, с которой он неудачно опустился на землю после того, как летчик выбросился с парашютом, почему и сохранились находившиеся в самолете предметы.

Зато и прокурор и, особенно, защитник (меньше их — сам подсудимый) старались расписывать летчика Пауэрса, как беспринципного человека, гонящегося лишь за заработком. Оказывается, страх безработицы заставил его пойти на эту работу, да еще желание купить себе собственный дом. Его заявление, что он не рассчитывает вернуться в Соед. Штаты, можно объяснить трояко:

1. Это было сказано на допросе, на котором ему угрожали смертной казнью; мне лично во время подобных допросов еще в эпоху Менжинского доводилось после таких угроз в ответ на обещания свободы отвечать следователю: после ваших угроз я уже не должен рассчитывать на возвращение домой!

2. Эта фраза может означать его переход на советскую сторону после заманчивых обещаний; если на одном допросе ему грозили смертью, то на другом ему могли предложить переход на советскую службу в вознаграждение за то, что он ничего компрометирующего не уничтожил и на такое предложение не мог дать этот ответ;

3. Этот ответ был связан с его объяснением, что он боится ответственности перед американским судом, а потому после освобождения или останется в СССР или поселится в нейтральной стране, которая его не выдаст для суда.

Многие глупости, которые содержались в первых советских сообщениях о найденных на Пауэрсе предметах, на суде уже не упоминались; поэтому забыты были утверждения об итальянских, британских и германских деньгах, которые он, якобы, имел при этом полете, не говорилось ни о квитанции об уплате членского взноса в мasonicкую ложу, ни о счете лондонского магазина за приобретенные в Лондоне для жены золотые часы.

Весь этот вздор, имевший сначала целью запутать в дело и американское масонство и правительство Италии, Западной Германии и Великобритании, был отброшен. Только вскользь упоминалось о нарушении при полете нейтралитета Афганистана, а весь огонь был направлен на Айзанхауэра, Хертера, на “Пентагон”, на американских “поджигателей войны”. Сам Пауэрс, по очевидному соглашению с прокурором, играл в “дурачка”, который только искал заработка и которому совершенно чужды понятия патриотизма, национальной гордости и воинской чести. Только для заработка он пошел на эту службу, не сознавая опасности полетов над советской территорией тем более, что при найме ему сказали, что летать придется только вдоль границ, не углубляясь внутрь страны. При полете он с точностью автомата включал и выключал фотографические аппараты и наносил на карту видимые с высоты в 20 км. объекты; затем выбросился, услышав шум за аппаратом и увидев оранжевый ды-

мок, сразу сдался без сопротивления и дал все требуемые от него признания. Теперь просит прощения у русского народа, благодарит задержавших его лиц и советские органы государственной безопасности за гуманное обращение.

Прокурор построил речь на обвинении в первую очередь не Пауэрса, а тех, кто его послал, цитировал удачно речь своего друга и коллеги, американского обвинителя на Нюрнбергском процессе, Джексона о преступности идеи “защиты от коммунизма”. Он остроумно напомнил, как Джексон обвинял хитлеровских генералов и министров в том, что они хотели защищать Германию от коммунизма, считая это преступлением, а теперь Айзенхауэр смеет ссылаться на защиту от коммунизма, за что были повешены по требованию не только Руденко, но и Джексона Риббентроп, фельдмаршал Кейтель и другие антикоммунисты-немцы. Он намекал, что та же участь, по логике Джексона, должна ожидать современных правителей Соед. Штатов. Пауэрса он попрекал только тем, что он, воспитанный по-американски в поклонении доллару, способен был бы за ту же сумму сбросить атомную или водородную бомбу на мирные русские города без зазрения совести.

Речь защитника Гринева содержала еще более дерзкие выпады против Соединенных Штатов, где правительство пользуется безработицей, чтоб вербовать ищущих долларов юношей на подобные полеты. Он пожалел, что на скамье подсудимых еще не сидят в Москве правители Соед. Штатов, которые понесли бы более суровое наказание, чем то, которое он просит смягчить для Пауэрса.

10-летнее заключение имеет более символическое значение, ибо теперь судьба Пауэрса будет предметом дипломатического торга и пропагандистских маневров. Интересно отметить реакцию простых русских людей на судьбу Пауэрса. Говорят, что только страх раздражить по-настоящему США помешал его расстрелу, а мягкое наказание может быть усилено для двух других летчиков, сбитых советским летчиком Поляковым над Баренцевым морем. Большое впечатление произвело появление семьи, якобы, бедного летчика: родители, питающиеся овощами со своего огорода, приехали в сопровождении не только двух адвокатов, но и врача и остановились с удобством в дорогой гостинице; жена приехала отдельно, также в сопровождении двух адвокатов и своего личного врача. Не так приезжают в Москву несчастные русские женщины хлопотать за своих арестованных мужей и обивать пороги всяких прокуроров и председателя Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева, прося о милости осужденному и сокращении срока. Учитывая это недовольство населения, Хрущев и Брежнев не поторопились принять Барбару Пауэрс, кото-

рая просилась даже в Крым, чтоб лично просить милости у Хрущева. Получается парадоксальное положение: с одной стороны народ сочувствует всякому проявлению агрессии со стороны Соед. Штатов в надежде, что это когда-нибудь поколеблет проклятый режим и ускорит его долгожданное падение, но с другой стороны, злит русских людей привилегированное положение семьи Пауэрса в роскошной гостинице, принимающей журналистов, по сравнению с судьбой русских семей заключенных. Никакую жену русского антибольшевика не стал бы обслуживать Интурист, никакой матери русского заключенного не было бы позволено давать интервью; недаром в нелегальном стихотворении говорится о матери расстрелянного антибольшевика:

О, Москва, ты Москва безотрадная!
Можешь новую жертву принять;
На ступеньках чужого парадного
Тихо плакала старая мать!

Прячься на ступеньках лестницы чужого дома, плачут русские матери, которых не успокаивают лекарствами врачи в первоклассных гостиницах!

Поэтому, после свиданий с приговоренным, Брежнев не ускорил рассмотрение просьбы Барбары Пауэрс о помиловании мужа, а Хрущев сделал вид, что не торопится прочитать ее умоляющее письмо. Им всем пришлось покинуть СССР с тяжелым чувством, которое едва ли будет способствовать росту популярности Хрущева за океаном.

Назначение В. М. Молотова на пост постоянного представителя СССР при Международном Агентстве по мирному применению атомной энергии в Вене произвело сильное впечатление и вызвало разные предположения: одни увидели в этом акт милости Хрущева в отношении старого большевика, которому 9-го сентября минет 70 лет. Другие считают, что его возвращение на этот, в сущности аполитичный пост, позволит ему играть опять активную, хотя бы и закулисную, роль в европейской политике; помня его непримиримость в отношении Тито, думают даже, что он из Вены будет руководить всякими маневрами против хитрого хорвата, с которым он никак не хотел мириться. Некоторые видят в этом назначении возвращение Хрущева к “молотовской” политике говорить на все мирные предложения Запада “нет”, как всегда и везде говорил этот наиболее жестокий и фанатичный большевик.

Мне, однако, дело представляется другому: я вижу в этом назначении отступление Хрущева перед растущей оппозицией его личной диктатуре. На самом деле надо вспомнить, что из всех “антипартийцев” только Молотов отказался голосовать за одобрение решений июньского пленума ЦК 1957 года о правильности политической линии партии и о собственном исключении, на что во имя фетиша “единогласия” пошли пере-

† В субботу, 17 сентября с. г. в годовщину смерти

СЕРГЕЯ ЛЬВОВИЧА ПОПОВА,
на могиле покойного на Английском кладбище в 14 часов будет отслужена панихида.

† В воскресенье, 25-го сентября с. г., в 17 час., в полугодие кончины
ПОЛКОВНИКА

ИЛЛАРИОНА ВИКТОРОВИЧА ФЕДОТЬЕВА
на могиле покойного (Британское кладбище S № 2, мансана А, № 203) будет совершена

ПАНИХИДА И ОСВЯЩЕНИЕ ПАМЯТНИКА
о чем извещает вдова покойного Евпраксия Федотьева.

трусившие Маленков и Каганович, потерявший "двурушник" Шепилов, покаявшиеся Булганин, Первухин и Сабуров. Он один остался не только в душе, но и открыто, верен своим тезисам.

1. Ошибкой Хрущева является излишнее ухаживание за американцами, лозунг мирного сосуществования и хамское пресмыкание перед любым приезжающим в СССР миллиардером.

2. Изменой памяти Сталина и совершенно nepозволительным унижением своей партии, не давшим никаких результатов, явилась поездка Хрущева в Белград, просьба Тито простить советскому правительству политику Сталина, признание, что Тито был прав в конфликте с Коминформом, а СССР был обманут донесениями агентов Берни и Абакумова; это небывалое и бесполезное самоуничижение Хрущева от имени ЦК и правительства только укрепило позицию Тито, попрежнему не слушающегося Кремля!

3. Такой же ошибкой было заключение "государственного договора" с Австрией, которое привело к уходу советских войск из Вены и своей большой зоны оккупации; в результате в Австрии рухнула без полицейской поддержки СССР австрийская компартия, не имеющая ни одного депутата в парламенте; правительство Австрии, под маской нейтралитета, ведет прозападную политику и в будущем воспользуется всяким случаем для поддержки венгерских антикоммунистов, которые после поражения нашли приют на австрийской территории; более того, самое восстание в Венгрии было бы немислимо, если бы в Австрии продолжалась советская оккупация и на австро-венгерской границе с обеих сторон стояли советские гарнизоны.

Поэтому, в далекой Монголии Молотов заявил, что приветствует твердость Хрущева в отношении Соед. Штатов после срыва Парижской конференции. Хрущев велел напечатать это заявление, чтоб показать, что и презренные "антипартийцы" его теперь поддерживают; но вся партия поняла из этого заявления, что Хрущев теперь сам нуждается в одобрении даже тех "антипартийцев", которых шельмовали все ораторы на XXI чрезвычайном съезде, не принимая, однако, в их отношении никаких карательных мер; из слов Молотова явствует, что он остался на своей позиции и приветствует, что теперь Хрущев переходит на эту молотовскую позицию непримиримости в отношении Соед. Штатов. Заявление Молотова укрепило

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ОТГОЛОСОК ДАХАУ И ПЛАТТИНГА

Нам пишут из Нью Йорка:

Во время очередной пресс-конференции президента Эйзенхауэра в Белом Доме в Вашингтоне, корреспондент "Чикаго Сэн-Таймс" Карлтон Кент, спросил Эйзенхауэра, что он может сказать о недавно опубликованном в американской прессе отзыве Сталина о нем. Этот отзыв был обнаружен в ныне подготавливаемых к опубликованию американских документах о Потсдамской конференции. Говоря об Эйзенхауэре, Сталин назвал его "честным человеком, кото-

опозицию; ее лидер, ни разу не кающийся, теперь цитируется партийной печатью, что поняли, как его возврат к политической активности. Поэтому вслед за заявлением Молотова начались в разных кругах маневры, направленные к тому, что надо этого старого большевика вернуть на более приятный пост вместе Улан-Батора с его тяжелым климатом. Раз Молотов приветствует внешнюю политику Хрущева, то даже при наличии расхождений по вопросам внутренней политики нет формальных оснований держать его в опале. При этом подчеркивалось, что Каганович, живущий в отставке под Москвой, и Маленков, таких заявлений не делали; значит, хорошо подчеркнуть разделение между "антипартийцами" и наградить того, который занял формально более примирительную позицию и одобряет теперь более твердую внешнюю политику СССР. При этом указывали Хрущеву, что было бы позором дать умереть, после 3 лет опалы, в далекой Монголии одному из близких не только Сталину, но и Ленину подпольщиков с 56-летним партийным стажем (больше этого стажа из видных фигур, стаж только у Ворошилова — 57 лет и у Куусинена — 56 лет), секретарю подпольного "русского" бюро ЦК в момент Февральской революции в Петрограде, когда на Выборгской стороне он из подпольного центра руководил всей работой партии, входившего в руководство партии с 1921 по 1957 год. Все эти соображения привели к его возвращению в Москву и назначению на довольно аполитичный, но все же почетный пост в Вену,

который выдал 135 тысяч германских солдат большевикам".

Айзенхауэр ответил: "Мне этот отзыв неизвестен. Я должен положиться на мою память. На основании (Ялтинского) договора, на основании соглашений, заключенных несколькими союзниками, а не забудьте, что Россия была тогда союзником, я получил приказ обследовать лагерь германских военнопленных в нашей зоне, обнаружить этих людей и отослать их обратно в Россию. Я не помню, сколько их было, но я помню вот что: были затруднения потому, что некоторые из них не хотели возвращаться. И даже после того, как, мне кажется, массовая выдача была закончена, мы были вынуждены допустить по обеим сторонам (демаркационной) линии миссии, которые должны были разыскивать и устанавливать, нет ли еще кого-либо, кто должен быть отослан на родину. Моя память слаба, но вот, как обстояло дело, и не помню, что их было 135 тысяч. Мне кажется, их было больше, но, может быть, я ошибаюсь".

ПРАВОСЛАВИЕ И ЭКУМЕНИСТЫ

Нам пишут из Нью Йорка:

Центральный Комитет Мирового Совета Церквей, одним из вице-председателей которого состоит митр. Иаков, экзарх Вселенского Патриарха в Северной Америке, во время своей сессии, состоявшейся в Сэнт-Эндрюс, в Шотландии, призвал представленные в этой организации церковные объединения к "созданию таких условий", при которых коммунистический Китай мог бы быть принят в состав Объединенных Наций.

Это постановление было принято 89-тью членами центрального комитета против одного. Против постановления голосовал профессор школы богословия Харвардского университета, православный протонерей о. Георгий Флоровский. Центральный комитет принял также постановление, рекомендуемое представленным в нем церковным объеди-

нениям принять общий догмат исповедания Св. Троицы, признавать крещение, совершенное любым из представленных в экуменическом движении исповеданий, признавать священный сан духовных лиц всех этих исповеданий и установить литургическое общение между ними.

Эти постановления центрального комитета и, особенно, постановление, призывающее церковные организации содействовать вхождению коммунистического Китая в Объединенные Нации, вызвало протесты многих видных американских протестантских деятелей, считающих, что это постановление "противоречит началам нравственности и христианской веры".

Это постановление вызвало также значительное смущение в русских православных церковных кругах в Соединенных Штатах, принадлежащих к юрисдикции митрополита Леонтия, поскольку эта юрисдикция, в отличие от Русской Православной Церкви за границей, входит в экуменическое движение и представлена в Мировом Совете Церквей. Сам митрополит Леонтий и другие епископы его юрисдикции об этом постановлении пока не высказались.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ ЕПИСКОПА ИОАННА

Нам пишут из Нью Йорка:

Епископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской), принадлежащий к юрисдикции митрополита Леонтия, опубликовал в "Новом Русском Слове" статью, в которой он категорически опровергает утверждение архиепископа Бориса, экзарха Московского Патриархии в Соединенных Штатах, о том, что между Патриархией и епископалом русской православной митрополии, управляемой митрополитом Леонтием, ведутся переговоры о признании власти Патриарха с предоставлением митрополии автономных прав. По словам епископа Иоанна, такие переговоры не велись и не ведутся.

И. СОЛОНЕВИЧ

29

РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ

И сколько существует в буржуазном мире карьеристов, энтузиастов, протестантов и лоботрясов, которые мечтают о мировой революции и которых эта революция так же задавит и сгноит, как задавила и сгноила тысячи "отцов" и миллионы "детей" великая российская революция. Это — как рулетка. Люди идут на почти математически верный проигрыш. Но идут. Из миллионов — один выигрывает. Вероятно, выиграл Сталин и еще около десятка человек... Может быть, сотня... А все эти Королевы, Чекалины, Шацы, Подмоклое и... Бессмыслица...

ПОБЕЖДЕННЫЕ

На пустой глади Повенецкого затона, у самых шлюзов стояли две огромные волжского типа баржи. Капитан кивнул в их направлении головой.

— Баб с ребятами понавели. Чорт его знает, то их выгружают, то снова на баржи садят — дня уже три тут маринуют.

— А что это за бабы?

— Да раскулаченные какие-то. Как следует не знаю, не пускают к ним.

Моторка обогнула обе баржи и пристала к бревенчатой набережной. Я распрощался с капитаном и вышел на высокую дамбу. За дамбой была небольшая луговина, покрытая, точно цветами, яркими пятнами кумачевых и ситцевых рубах копошившейся на траве детворы, женских платков и кофт, наваленных тут же добротных "кулацких" сундуков, расписанных пестрыми разводами и окованных жестью. С моей стороны — единственной стороны, откуда эта луговина не была окружена водой — угрюмо стояло десятка полтора вохровцев с винтовками. Уже стоял медгорский автобус с тремя пассажирами — в их числе оказались знакомые. Я сдал им на хранение свой рюкзак, достал свои поистине незаменимые папиросы и независимо, закуривая на ходу, прошел через вохровскую цепь. Вохровцы покосились, посторонились, но не сказали ничего.

Я поднялся на дамбу. Одна баржа была битком набита тем же пестрым цветником рубах и платков, другая стояла пустой.

На обращенном к луговине скате дамбы, где не так пронизывающе дул таежный ветер, сидело на своих сундуках, узлах, мешках несколько десятков баб, окруженных ребятами поменьше. Основная часть табора расположилась на луговине...

Сорокалетняя баба в плотной ватной кофте и в рваных мужицких сапогах сидела на краю в компании какой-то старухи и девочки лет десяти. Я подошел к ней.

— Откуда вы будете?

Баба подняла на меня свое каменное, ненавидящее лицо.

— А ты у своих спрашивай, свои тебе и скажут.

— Вот я у своих и спрашиваю.

Баба посмотрела на меня с той же ненавистью, молча отвернула окаменевшее лицо и уставилась на табор; старушка окзалась словоохотливее:

— Воронежские мы, родимый, воронежские... И курские есть, есть и курские, больше вот там, на барже. Сидим вот тут на холоду, на ветру, намаялись мы и — Господи! А скажи, родимый, отправлять-то нас когда будут?

— А я, бабушка, не знаю, я тоже вроде вас — заключенный.

Баба снова повернула ко мне свое лицо:

— Арестант, значит?

— Да, арестант.

Баба внимательно осмотрела мою кажанку, очки, папиросу и снова отвернулась к табору:

— Этаких мы знаем... Арестанты... Все вы — каторжное семя. При царе не вешали вас...

Старуха испуганно покосилась на бабу и иссохшими птичьими своими руками стала оправлять платочек на головке девочки. Девочка прильнула к старухе, ежась то ли от холода, то ли от страха.

— Третьи сутки вот тут маемся... Хлеба вчера дали по фунту, а сегодня ничего не евши сидим... И наменяли бы где — так солдаты не пускают.

— Наменять здесь, бабушка негде, — все без хлеба сидят...

— Ой, грехи, Господи, ой, грехи...

— Только чьи грехи-то — неизвестно, — сурово сказала баба, не оборачиваясь ко мне. Старушка с испугом и с соотраданьем посмотрела на нее.

— Чьи грехи — Господу одному и ведомо. Он, Праведный, все рассудит... Горя-то сколько выпито — ай, Господи Боже

ти и поэтому, может позволить себе встречи с австрийскими коммунистами, которые постараются искать у него поддержку, которую иногда боится им оказать новый советский посол Виктор Иванович Авилов, назначенный в Вену 16-го июня с. г. после трех лет пребывания в Брюсселе. Всякая же жалоба австрийского правительства на бестактную деятельность Молотова, выходящую за пределы работы Атомного Агентства, будет на руку Хрущеву. Также

мой, — старушка закачала головой, — ребят-то сколько перемерло, как будто рядом сидящая баба конфиденциально сообщила: — В ло. Эх, сказывали люди — намы на барже этой проклятой ронить негде, так, без панафи просто на берег, да в яму.

Баба повернулась к старухе озлоблен и глух.

— Почему это вас с весны

— А кто его знает, родимый, осени на высылку послали, ну зут, на поселение то есть, днаших, вот так и возют... где поставили нас песок копать и живем... Хоть бы Бога поже изделали, а то живем, и дождем... А не слышал, родимый, местили...

Так называемые "вольноведы" в "колониционный узкой полосой, захватывая таких поселений было около ных пунктов" они отличались привозило туда ссыльных семьями — давало "инструменту зерна на члена семьи" наставляло этих мужиков их с

Я очень жалею, что мне из этих поселений. Я видал ного отдела", в его планах, в "колониционном отделе" же типа, какая в свое время возможности рассказать об это лаговской... Скажу только, что жики попадали в не совсем уло много трюков. По соверше о них рассказывать даже и сдой, с какою я рассказываю

возможно, что именно в Вене Молотов пустится на интриги против Тито, за которые потом можно его покарать, как за несоблюдение партийной линии в отношении Югославии. Молотов, впрочем, не должен преувеличивать значения вырванной оппозицией у Хрущева уступки. Посты послов в Лондоне, Берлине, Риме, Анкаре, Праге не помешали потом кончить жизнь с пулей чекиста в затылке Розенгольцу, Крестинскому, Каменеву, Карахану и Антонову-Овсенко в 1936-37 годах и Деканозову в 1953 году. Если Молотов в Вене поведет себя нелояльно в отношении Хрущева или завяжет опасные для последнего связи с западными компартиями, то он в любой час может быть отозван и испытать участь вышеперечисленных партийных вожаков. Много, конечно, в его поведении будет зависеть от прочности положения самого Хрущева в ЦК и от физического здоровья самого Молотова, который теперь может пользоваться советами венских врачей и лечиться на австрийских курортах. Еще до своего отъезда в Вену, Молотов уже появлялся на банкетах в Москве среди советских сановников, где произвел впечатлительное физически состарившегося человека, которому не так уж легко дались три года пребывания в Улан-Баторе.

Сейчас мною получены некоторые интересные дополнительные сведения о процессе архиепископа Иова Казанского и Чистопольского. Так, оказывается, что еще в сентябре 1941 года протоиерей Владимир Кресович, будущий архипастырь Иов, возле Любченской церкви служил первую панихиду у холма, под которым были зарыты местные жители, расстрелянные большевиками. На суде прокурор привел этот факт, уверяя, что ночью протоиерей сам насыпал этот холмик и водрузил на нем трезуб (?) с антисоветской надписью, но что под этим холмиком никто не был погребен и вообще в селе никто никогда не слышал о жертвах большевизма. По его же инициативе были отслужены подобные панихиды в селах Пожарки, Рожнице и Топульке и, наконец, в самом городе Слудке.

Затем оказывается, что экзарх Украины Николай (ныне митрополит Крутицкий) признал хиротонию епископа Иова, совершенную при немцах митрополитом Алексеем (Громадским), убитым вслед затем бендеровцами; в речи прокурора выдвигалось обвинение Хрущевскому любимцу Николаю Ярушевичу в укрывательстве антисоветской деятельности епископа Иова в период оккупации. Забавно читать, как советский безбожник-прокурор заявляет о "неканоничности" для советской церкви хиротонии и вообще всех решений "самозванного, созданного хитлеровцами собора епископов-предателей". Он объясняет это желанием митрополита Николая сохранить для патриархии "квалифицированного работника", что противоречит его же собственным жалобам на хиротонию священника, не имеющего академического диплома. По словам советского прокурора Казанского суда, "каноничны" лишь соборы, санкционированные советским правительством, и хиротонисать следует лишь с одобрения советского правительства.

При советском режиме епископ, якобы, покровительствовал в Измаиле "националистам"; конечно, он не мог покровительствовать бендеровцам, раз сам принадлежал в период оккупации к "автономной Церкви", т. е. не признающей украинских самосвятов и сепаратистов из "автокефальной церкви". Отсюда ясно, что это обвинение в сепаратизме ложно. Также нелеп рассказ о том, что после приезда в Лысково он в первой проповеди просил паству "купить особняк, достойный моего архиепископского сана. Убогость моей квартиры унижает меня, дорогие прихожане!" При выдвигании этого обвинения прокурор позабыл, что в Лысково в 1947-50 г. г. Иов был в сане епископа и уже потому не стал бы говорить о своем архиепископском сане.

С целью лично опорочить архиепископа, теперь на суде было заявлено, что правивший Горьковской епархией архиепископ Корнилий, якобы, сам просил патриарха Алексия уволить на покой в конце 1949 года своего викария Иова за то, что он в отстраненном ему особняке держит вместо келейника "востроглазую экономку Нонну". Но тут же прибавляют, что увольнение его последовало за отказ прочесть с амвона манифест Комитета Сторонников Мира и за проповеди, в которых владыка го-

ворил о безбожии, ведущем к разврату и воровству. "Непризнающие Бога отнимают частную собственность", — сказал епископ Иов в одной проповеди, что рисует его смелым проповедником.

Лживость прокурорских утверждений бросается в глаза, когда мы видим в журнале "Наука и религия" № 7, где опубликована статья об этом процессе (стр. 36-43), снимок "роскошного особняка" архиепископа. Это скромный деревянный двухэтажный домик с застекленной верандой и пристройкой-часовой. У домика одна труба и на крыше видна радиоантенна. Перед домом низкий в человеческий рост забор, как перед всяким провинциальным домиком, над чем глумится прокурор, возмущающийся тем, что забор не позволяет заглядывать с улицы в окна нижнего этажа, что облегчало бы чекистам беспрестанное наблюдение за домом. Его обвиняют в том, что он содержал шофера, не управляя сам автомашиной для разъезда по епархии, экономку, повара, келейника, уборщицу и трех сторожей, которые охраняли его дом и помещение епархиальной канцелярии.

Самым отвратительным является обвинение в том, что он восстановил старинный обычай читать перед мошам Святытеля Гурья Казанского акафист, составленный в 1595 году Священномучеником Гермогеном, ибо "в акафисте восхваляется царизм (Иоанна Грозного, завоевателя Казани), а верующих призывают к борьбе с татарами". Верующие, якобы, напомнили владыке, что "религиозная рознь в СССР карается законом, а Казань — столица народа, который так гостеприимно принял Иова". Архиепископ по требованию властей должен был прекратить чтение акафиста, что опровергает обещание Сталина и его преемников не касаться содержания богослужений. Сами татары никогда не жаловались на чтение этого акафиста, прекрасного исторического произведения великого архипастыря, прославившего в 1595 году святителей Гурья и Варсонофия Казанских. На подобном основании, идя по пути лютного гонителя Церкви 1-го секретаря Обкома С. Д. Игнатьева, можно запретить почитание всех наших святых, которые обращали в христианство тот или иной народ. Это первое наглое вмешательство Обкома партии в самое содержание православного богослужения.

О религиозном и политическом мировоззрении верующих в России можно судить по сообщению "Казахстанской Правды" от 31-го июля с. г. Там статья некоего партийного журналиста В. Ушакова "Под колокольный звон" приводит факты антисоветской деятельности духовенства различных священников и членов приходских советов Алма-Атинских церквей, полчищенных местному архиепископу Алексию Алма-Атинскому и Казахстанскому. Ему же подчинены все православные немногочисленные храмы Караганлы, Кампанейска, Тихоновки и Темир-Тау, где прошлой осенью вспыхнуло стихийное вооруженное восстание. В этих краях проживает великое множество сосланных или отбывших в прошлом концлагеря русских людей.

Из этой статьи наиболее замечателен случай, о котором сообщает В. Ушаков: "Любят верующие Никольской церкви в Алма-Ате послушать свой хор. Но многие из них не поверили своим ушам, услышав однажды, как он возглашает **злавицу Царю и всей Династии Романовых**. Зато кое у кого быстрее забились сердце, напомнив о несбывшихся мечтах. До сих пор в церковных стенах пытаются найти себе место люди с темным прошлым..."

Возможно, что здесь речь идет о молебне, на котором присутствовали только заказавшие его русские люди, не рассчитывавшие на то, что об этом будет писать "Казахстанская Правда". Но газета, зная настроение жителей Алма-Аты, да и не одного этого города, правильно утверждает, что у них при этих молитвенных словах сильнее бьется сердце. С ними вместе бьются и наши русские сердца, а потому, не зная, кого поминают за здравие из Императорского Дома в Алма-Ате, мы должны не только в наших свободных церквях молиться за Главу Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича, но и позаботиться о том, чтобы нашими путями дошло Его Имя до жителей далекого азиатского города, который в Императорской России носил символическое имя "Венный".

Алексей Ростов

Г. Месняев

Достоевский и Победоносцев

Недавно в "Новом Журнале", проф. Ф. Степун — человек, находящийся в безнадежном плену самых вульгарных и устарелых либеральных предрассудков и заблуждений — напечатал статью: "Москва — Третий Рим". В статье этой развивается совершенно абсурдное положение о том, что отношение власти к Церкви, примерно, тождественно, — что во время Победоносцева, что в нынешние времена, при советском патриархе Алексие.

Развивая эту ложную и никому ненужную мысль, Ф. Степун, конечно, не удержался от того, чтобы повторить о Победоносцеве все то, что когда-то говорилось и писалось о нем в революционных и либеральных кругах, и, что очень крепко вошло в русское сознание: с помощью своей, очень доходчивой до мало рассуждающих обывателей печати, левые сумели внушить даже людям, державшимся правильных национальных путей, предвзятое отношение к Победоносцеву.

И, только теперь, в свете всего испытанного, пережитого и виданного, на основе своего громадного жизненного опыта, мы в состоянии освободиться от нам внушенного, и составить ясное и объективное представление о личности и деятельности одного из крупнейших русских людей, коим был К. П. Победоносцев.

Мы можем теперь увидеть, что политика, осуществлявшаяся некогда им, вовсе не была следствием каких-то его личных интересов, тем более нечестных и низменных, как нас уверяли когда-то враги Победоносцева, а сводилась к тому, чтобы спасти Россию от вплотную надвинувшейся на нее революции. Может быть, в те времена, только один Победоносцев понимал, что первоапрельское царевийство было ни чем иным, как началом конца России. Спасти ее от революции и стало задачей всей его жизни.

В самый роковой день царевийства, Победоносцев так писал новому Царю: "Вам достается Россия смятенная, расшатанная, сбита с толку, жаждущая, чтобы ее понели твердою рукою, чтобы правящая власть видела ясно и знала твердо, чего она хочет, и чего не хочет и не допустит никак..."

На заседании Совета Министров, на котором обсуждался вопрос о направлении политики в новом царствовании, К. П. Победоносцев, страстно возражая на безответственный лепет многих министров о необходимости дальнейших поблажек распухшему русскому обществу, говорил: "Кровь Его (Императора Александра II) на нас и на чадах наших. Мы все повинны в Его смерти. Что мы делали все это время в Его царствование? Мы говорили, говорили, слушали себя и друг друга, и всякое из его учреждений превратилось у нас под рукой в ложь, и дарованная им свобода стала ложью".

Политика твердой руки, предложенная Победоносцевым, принесла свои плоды. Революция была раздвлена, но не сразу и не без труда. Через шесть лет после Первоапрельской трагедии, в 1887 году, был открыт заговор на жизнь Имп. Александра III. Не ясно ли для нас теперь, кто был прав в этом споре: Победоносцев ли, видевший воочию революционную опасность и призывавший бороться с нею "кровью и железом", или же те одураченные революционеры, либеральные маниловы, которые жаждали парламентаризма и ненавидели всеми фибрами своей души "мракобеса", "гасителя" и "обскуранта" Победоносцева.

Для того, чтобы ярче оттенить "мракобесие" и "обскурантизм" Победоносцева, Ф. Степун указывает на то, что "все творчески значительные люди казались Победоносцеву опасными".

О Т Р Е Д А К Ц И И

Несмотря на то, что примерно год тому назад нами была помещена схожая по теме статья Г. Месняева, мы находим целесообразным напечатать и эту статью сегодня.

Вопросы, затронутые нашим уважаемым сотрудником столь нуждаются в разъяснениях, что, чем больше мы будем об этом говорить, тем лучше.

Только Константин Леонтьев, стремившийся, подобно Победоносцеву "подморозить" Россию, был, — по словам Ф. Степуна, — духовно близок Победоносцеву.

Константин Леонтьев был человеком сильной, свободной и смелой мысли. Правильность его мыслей, хотя бы о "болоте демократии", подтверждается каждый день на наших глазах. Поэтому его близость к Победоносцеву никак нельзя поставить последнему в укор, а, пожалуй, совсем наоборот. Такая близость еще раз подчеркивает незаурядность личности К. П. Победоносцева и ее независимость от вульгарного мышления толпы.

К. Леонтьевым, однако, не исчерпывается вовсе круг людей, духовно близких Победоносцеву. Странно, почему Ф. Степун забыл сказать о том, что Победоносцев стоял в самой близкой и сердечной дружбе ни с кем иным, как с великим Достоевским. А, ведь, это обстоятельство в корне упраздняет все рассуждения Ф. Степуна о Победоносцеве. В самом деле, раз у него и Достоевского было известное родство душ, раз они оба исповедовали одну и ту же политическую веру и смотрели одинаково на ряд вопросов принципиальной важности, — не говорит ли это о том, что и взгляды и дела Победоносцева не были так несуразны и нелепы, как нас в этом стараются убедить сугубо либеральные профессора.

Первая встреча Достоевского с Победоносцевым произошла в 1874 году, когда Достоевский редактировал газету "Гражданин". Победоносцев приехал для знакомства с писателем в редакцию "Гражданина", и, не застав Достоевского, просил, чтобы тот навещил его на дому. О своем посещении Победоносцева, Достоевский писал жене:

"Все говорил, много сообщил и ужасно просил опять сегодня приехать. Если же буду болен, то ему дать знать и он сам придет ко мне сидеть. Укутал меня пледом и, так как, кроме служанки, в пустой квартире, не было никого, то, несмотря на выбежавшую в переднюю служанку, провожал меня по трем темным лестницам вниз со свечой в руках до самого подъезда".

Дружба Достоевского с Победоносцевым носила сердечный и теплый характер. Они нашли общие, глубокие волнующие предметы, приверженность к которым духовно связывала их. Значительно позже, вспоминая годы своей близости с Достоевским, Победоносцев, явно растроганно, писал вдове покойного, Анне Григорьевне:

"А в последние годы часто приходил он ко мне по субботам вечером на беседу — и как теперь помню, как бывало, одушевляясь и бегая по комнате, рассказывал он главы "Карамазовых", которых писал тогда".

Создание "Братьев Карамазовых" происходило при самом близком участии Победоносцева. В письмах к нему Достоевский подробно излагал и объяснял те идеи, которые он клал в основу "Братьев Карамазовых", кульминационной точкой коих он считал "Легенду о Великом Инквизиторе". Победоносцеву он писал о том, что он "со страхом и трепетом" готовил опровержение; его хульства Ивана Карамазова".

Прочтя "Великого Инквизитора", Победоносцев написал:

"Ваш "Великий Инквизитор" произвел на меня сильное впечатление. Мало, что я читал столь сильное. Только я ждал, откуда отпор, возражение и разъяснение, но еще не дождался".

24 августа 1879 года, из Эмса, Достоевский писал:

"...ответом на всю эту отрицательную сторону я и предположил быть вот этой 6-ой книге "Русский иннок", которая появится 31 августа. А потому и трепещу за нее в том смысле — будет ли она достаточным ответом? Тем более, что ответ-то не прямой, не на положения прежде выраженные (в В. Инквизиторе и прежде) по пунктам, а косвенный..."

Таким образом, Достоевский решил логической безбожной аргументации Ивана Карамазова противопоставить не такие же логические возражения, а старца Зосиму, олицетворявшего собой сущность русского Православия.

Как известно, политические взгляды последних лет своей жизни, Достоевский развивал и излагал в издававшем-

ся им журнале «Дневник Писателя». Несмотря на то, что взгляды эти, в своей основе, стояли в явном противоречии с взглядами подавляющего большинства образованных людей тех времен, успех «Дневника Писателя» был необыкновенен. Выходивший в количестве шести тысяч экземпляров, «Дневник», без остатка, расхотился в течение двух-трех дней. По поводу печатавшихся в нем статей Достоевский получал множество писем от людей всех положений и состояний. Одним словом, русские люди, даже далекие от больших, сложных и глубоких идей Достоевского, чувствовали всю их великую значительность и душой тянулись к нему, чувствуя в нем своего национального гения, учителя и пророка.

«Дневник Писателя», конечно, встречал со стороны Победоносцева самый сочувственный отклик. Он давал Достоевскому для его журнала и темы и материалы.

В письме от 2-го февраля 1877 года, Победоносцев писал:

«Только что прочитав его (январский номер), спешу благодарить Вас за прекрасные статьи — все хорошо, особенно, что вы рассуждаете о штунде, да и о Фоме Данилове (унтер-офицер туркестанского батальона, замученный кипчаками за отказ принять магометанство. Г. М.). Здравствуйтесь и радуйтесь».

С каждым годом дружба, соединявшая Достоевского с Победоносцевым делалась теснее, сердечнее. С помощью своего влиятельного друга, Достоевский стал входить в самые высшие круги русского общества. Государь Александр Второй поручил ему духовное руководство своими младшими сыновьями, Великими Князьями Сергеем и Павлом. Он становится близок к Наследнику, будущему Императору Александру III и его жене, будущей Императрице Марии Федоровне. В декабре 1880 года, Достоевский лично поднес Им экземпляры «Братьев Карамазовых», а после того, как Великая Княгиня Мария Федоровна присутствовала на чтении Достоевским его романа в доме гр. Менгден, он был приглашен в Аничков дворец.

Об этом посещении рассказывают:

«Он (Достоевский) говорил первым, встал, когда нашел, что разговор длится достаточно долго, и, простившись с Цесаревной и Ее супругом, оставил дворцовый зал, как гостиную своих друзей. Великий Князь не был этим шокирован».

Сблизился Достоевский и с Великим Князем Константином Николаевичем и вел беседы с его сыновьями: будущим поэтом К. Р. и Дмитрием Константиновичем.

С каждым годом дружба, связывавшая Достоевского с Победоносцевым, делалась теснее и интимней. Живя летом 1879 г. в Эмсе, куда он поехал лечиться, Достоевский часто писал Победоносцеву, жалуюсь на одиночество, на тоску, на тревоги по поводу будущего своих детей.

В письме от 9 августа, он писал:

«Я здесь лежу и непрерывно думаю о том, что уже, разумеется, я скоро умру, ну через год или через два, и что же станет с тремя золотыми для меня головками после меня? Впрочем, я здесь и вообще в самом мрачном расположении духа...»

Тревоги о «золотых головках» — были напрасны: после смерти Достоевского, Победоносцев стал опекуном его детей.

Так было в жизни: два больших русских человека, убежденных, искренних, чувствовавших ясно надвигающуюся на Россию страшную грозу и предупреждавшие, в смертельной тревоге, о ней легкомысленное, беспечное и лишнее, русское общество тех дней, — объединились в дружбе, основанной на общности самых важных жизненных идей. Оба эти пророка толпой признаны не были. И, теперь только, в свете этих глубоких и сердечных отношений между ними, мы имеем возможность судить о том насколько ложны были те домыслы, которые распространялись левыми кругами о Победоносцеве, и которые вновь возрождаются людьми типа Ф. Степуна.

Г. Месняев

Вячеслав Павлович

Племя младое, незнакомое

(УЧЕНЫЙ КОММУНИСТ?)

1. Автоматизация в СССР (а она — по-казатель технического прогресса), автоматизация, утверждает посетивший недавно Москву американский специалист, профессор Ольденбургер, сильно отстала от уровня автоматизации в США. Теоретические познания, говорит профессор, не увязываются в СССР с практикой применения, практика отстает. Это значит, что исследователь-теоретик стоит неизмеримо выше инженера, и происходит это, так я полагаю, потому что теоретиков представляет и по сию пору старая техническая интеллигенция.

Кто посетил советскую выставку в Нью Йорке в прошлом году, тот не мог не заметить у гидов, дававших объяснения по стендам, некоторого несходства. Одни держались подчеркнуто уверенно, пренебрежительно, сказать бы, с затаенным хамством, другие — с достоинством, приятно, скромно. Первые обнаруживали слабые познания, предпочитали скользить по поверхности, увертливо обходили трудные вопросы; вторые, в противоположность, выказывали себя образованными, знающими тонкость предмета, специалистами. И это было тем легче заметить, что в нашей маленькой группе неотлучно находился инженер из исследовательской американской лаборатории (все разговоры велись по-русски). Вряд ли ошибемся, сказав, что перед нами прошло два типа ученых (большинство гидов имело ученую степень): ученый коммунист и всамделишный ученый из молодежи, воспитанной старой интеллигенцией. Ниже пойдет речь об ученом коммунисте; их в СССР куда больше и они занимают главенствующее положение (по Ю. Денике, «Соц. Вестник» — «Племя младое, незнакомое»).

2. Икс, так назовем ученого коммуниста (у меня тип собирательный), начал высшее учебное заведение в годы, когда достаточно было сидеть за партой и только. Как раз ему, Иксу, принадлежат немеркнущая слава и честь зачинателя борьбы против... высшей математики в ВУЗ-ах, против, как тогда выражались, математического бандитизма; и это ему пытался угождать угонники в бархатных шапочках, выпуская для будущих инженеров курс: «Высшая математика без высшей математики». По получении диплома, Иксу повезло: повезло принять участие в большом строительстве, которое удалось осилить с помощью иностранных специалистов, иностранного оборудования, прославленных русских инженеров, смекалки и мускульной силы русского рабочего (теперь это пушечный завод). Икс был молод, ленив умом и телом, необъятно честолюбив и порешил перейти в исследовательский институт.

Надо сказать, что Икс в борьбе за существование, охулки на руку не кладя, обладал жесткой хваткой, мертвой хваткой. Чтобы уйти со строительства, надо было выдвинуться, стать известным Обкому. Он был общественник, но этого оказалось мало, требовалось больше. Икс занялся доносами, склоками, подписывал и валил негодных партийцев, пока... не стал «свой в доску» с секретарем Обкома и не получил направление, путевку. Впрочем, уточним: две путевки, одну в Крым — в санаторий, другую — в институт. Первой залачей на новом месте Икс признал необходимым пристроиться к выгодной теме, но так, чтобы другие работали на него и за него; это оказалось нетрудным, поскольку Икс представлял молодую смену, гордость пролетарского государства.

Высшей добродетелью для коммуниста в институте считалась бдительность. Икс днем трудился на общественном поприще, тема делалась поминно (пресловутая спихотехника), вечерами ярлыка рылся в чужих столах, и не ради любопытства; когда через полгода тема была готова, на обложке значилось также и его имя, имя соавтора. Специалисты геологи в США и читатели журнала на русском языке «Американская техника» могут вспомнить съезд, а на нем и сенсационный доклад советского ученого о, так называемом лессовом грунте, который (доклад) был только оглашен (автора не выпустили из СССР). Правду сказать, не знаю, не установил, ездил ли в США наш преуспе-

вающий коммунист — молодая смена?

Несколько позже, в дни ежовщины, Икс выступает в драматической и террористической роли, кому же как не ему? председателю институтской комиссии по выявлению вредительства. Мне повезло, я отбил; другие заплатились жизнью.

Нынче этот Икс, ему под 50, действующий применительно к подлости, вне поля нашего непосредственного наблюдения; впрочем, он мог оказаться и среди нас. Его напористость, командный тон обращения, военный чин, диплом — приняты политическими молодежниками за энергию, решительность и ум, и ему дан ход. Просто младенцам он повестует о своем батюшке из дворян, погибшем где-то у красных, а, возможно, и у белых; и это правда. О своем тяжком детстве, и это тоже правда. О своем отвращении к большевизму, к неправде, о чудесном обращении к Богу... Но, пусть уж он, пистолет, будет на своем месте, в СССР.

3. Икс кое-что подчитал, подучился; согласимся, вырос в специалиста, пишет статьи, вступает не в дискуссию. Я называю Икса его собственным именем. Это, во-первых, Акулов. В журнале физической химии, изд. Академии Наук, неизвестный Акулов обрушился на известного ученого, академика Н. Н. Семенова, нобелевского лауреата 1956 года, приписав последнему тяжкое преступление: пропаганду махизма, отстаивание идеалистических взглядов. Обвиняемый защищается: «Акулов без всяких оснований обвинил меня, имея в виду дискредитировать в глазах научной общественности, при помощи ложных обвинений». Семенов продолжает: «Гаккие представления, как возбужденная молекула вообще, циклические реакции вообще, пределы вообще и т. п. увлечают нас в область голый символик, где термины и символы начинают доминировать над содержанием. Стиль научных работ Акулова характеризуется формальным отношением к науке, отсутствием желанной научной мысли в теоретических построениях, отсутствием серьезного всестороннего анализа, игнорированием подавляющего числа опытных фактов, а, подчас, даже и несерьезным отношением к науке».

Другой Икс, некий Батуев, своей жертвой избрал ученого Н. Д. Соколова. Соколов отвечал, что его прогнаник, стараясь любыми средствами опорочить квантово-механические расчеты и провозгласить их идеалистическими, обнаруживает недостаточное знание обсуждаемого предмета...

На этом можно было бы покончить с блюстителями чистоты коммунистических риз, но я хочу воспользоваться акулковыми еще раз. Бывший сенатор, бывший помощник министра иностранных дел США, издатель энциклопедии «Британика», В. Бентон, посетивший СССР, имел беседу с Введенским, главным редактором БСЭ. Вот что сказал Введенский, агитируя за сосуществование и кооперацию: «Множество статей советской энциклопедии не имеет никакой связи с марксизмом-ленинизмом... например, в статьях теоретической физики идеи марксизма-ленинизма не упоминаются». Так ли это? За проверкой вернемся к Акулову с Батуевым. Ошеломленные ими советские ученые на обвинение в идеализме соблазнились отплатить монетой нападающего, очевидно, по правилу: с волками жить — по-волчьи выть. Отметая зашутливость в идеализме, они легко его (идеализм) находят у... своих извечников-облужников. Один это делает в мягкой форме: «Едва ли можно сомневаться в том, что распространение точки зрения Батуева, призывающего отказаться от существующих квантово-механических методов расчета, и в то же время не предлагающего никаких других, более совершенных, могло бы оказать отрицательное влияние на развитие советской науки». Другой (Семенов) рубит, как говорится, с плеча: «Он (Акулов) приписывает мне пропаганду махизма, критикуя под моим именем свою теорию». И далее: «Свою же теорию Акулов представляет читателю, как борьбу с махистской теорией, тогда как на самом деле эта теория создала идеалистическое представление. Теория Акулова

полностью противоречит диалектическому материализму»...

Физика, по мнению партийных начетчиков, должна исходить из материалистического представления о природе; иначе — наука, как система знаний, мыслится в пределах закономерностей, которые ей, науке, наперед заданы коммунизмом. Сенатор — издатель Бентон, в обязанности которого входит толковать непонятные людям слова (24 тома, 38 миллионов слов)... но не про него ли: «И толк-эт есть, да не втолкав весь?»

4. Ученый коммунист не только блудит, не ведая куда, в сущности, его несет нелегкая, к идеализму или материализму, но и решает проблемы. Кое о чем на эту тему я скажу позже, а сейчас о доценте Липовецком. Известно, низкие температуры стесняют круглогодичное строительство; Липовецкий предложил так наз. зимний бетон, партия настояла, и напуганные инженеры взапуски применяли новинку на стройках Ленинграда, Севера и Урала. Когда пришли предательские сроки (через несколько лет?) выяснились последствия: сооружения, вопреки партийным директивам, стали трескаться и рассыпаться; так сказать: и зримое не-зримым стало... Но в храбрый повадке неуча таятся и бесспорные преимущества: Икс с печальной смелостью неведения принимается за решения, перед которыми специалист спавал бы. Что же-с (скажем со словоерсом), бывают неудачи, но случается, что счастье приходит и дуракам.

5. Икс не брезгует и чужим добром. Я знаю случаи (их знают и Семенов и Соколов), когда делегаты и прохвосты, гени ловкости и нахальства умудрялись представлять диссертации, сработанные и написанные за них другими. Невероятно? Но что это так, что явление это частое в СССР, доказывается публикацией в СССР повести Гор — «Ошибка профессора Орочева». Профессор пригласил научный трактат, им воспользовался утомленный высшим образованием и бездарный в науке аспирант Степанов; мало того, в конце концов Степанов «чуть не обвинил в плагиате самого же Орочева».

В научно-педагогической работе, где широко допускаются совместительства, где оплата практикуется и почасовая, где легко приписать время, где заработки достигли, к слову сказать, баснословных размеров, коммунисты не зевают; одни получают гонорары, не читая лекций, другие «хапают» пожегонные. В лабораториях, даже скромных, всегда можно найти, а найдя — попользоваться дефицитными мылом, спиртом, краской, часами, секундомером. Да что говорить, я знал «почтенного» ректора (коммуниста), который, чтобы не платить за вход, лазил в парк через забор, а когда забор выкрасили дегтем, заботливо приносил с собой куски газет.

6. До последнего времени, как правило, науку в СССР вели, и вели, не взирая на помехи, случалось — блестяще, беспартийные (в поврежденном уме коммуниста — слизняк, которого, что ж делать? приходится и обхаживать). Сегодня положение несколько иное, меняется. Приблизительно в 1938 году, решив взять быка за рога, в обход упорствующей интеллигенции старшего поколения, таких как Соколов, Капица, Ландау, Семенов (последний все же вступил в партию, в 1947 г.), большевики обрушились на молодежь, студентов, — студентов, заметьте, наиболее талантливых... В полноценных ученых молодые люди могли обратиться лет через десяток-пятнадцать, значит, после 1950 года; какая-то часть, думаю, большая, иначе Хрущев все жаловался на неудовлетворительное качество специалистов, осязательная партийным билетом, этим плевком на честь и совесть, подавшись тлетворному давлению, уступила и в глубину научных интересов не погрузилась; другие, их меньше, но их тысячи, ведут себя с похвальной самостоятельностью, и с ними нельзя не считаться. Возможно, что им, хотим мы того или нет, назначено сменить вымирающее старшее поколение и ведущая роль в науке. Но это в будущем, полном загадок, а пока что, во славу коммунизма на поверхности Акуловы и им подобные. Вся «черновая», истинно-научная работа ведется другими, а они, паразитирующие, возглавляют и командуют. Что получается в результате, и получается ли — особая тема.

Вячеслав Павлович

ТИРАЖ «НАШЕЙ СТРАНЫ» ДОЛЖЕН НЕПРЕРЫВНО РАСТИ — ДАЙТЕ ЕЙ НОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ!

К ДРУЗЬЯМ!

Дорогие друзья!

И сегодня, к сожалению, Всеволод Константинович не может еще дать вам очередную весть о своем положении "собственноручно". Писать он еще не в состоянии. За рассказ о нем снова берусь я.

Сердечный припадок, перенесенный В. К. в прошлую субботу (3 сентября) вечером, был настолько ужасен, что вспомнить о нем — страшно. Доктором, к счастью имевшим возможность приехать к нам не более чем через полчаса (но, эти полчаса!), и немедленно же сделавшим необходимые инъекции, он отнесен к разряду припадков "очень, очень серьезных". Случайные свидетели происшедшего не могли себе представить, как они говорят теперь, что человеческий организм способен выдержать этот ужас. Весь день в воскресенье припадок, в сущности, продолжался — в гораздо более слабой форме, конечно, — однако, с укороченным дыханием пришлось бороться не только с помощью ряда интравенозных инъекций, но и прибегая каждые 10-15 минут к кислородной маске.

Несмотря на это и на две почти бессонные ночи, в понедельник утром, В. К. как-то сумел дать мне руководящие указания для выпуска очередного номера, и все время сожалел о том, что ему не справиться даже только с указаниями, для того, чтобы выпустить номер обычного размера — на 6 стр. Дыхание было все еще настолько укороченным, что не только отдельные слова, но и отдельные слоги "не помещались" в интервалы между попытками набрать воздух в легкие.

В воскресенье мы просили о Тимофея Соина причастить В. К., что всегда очень хорошо отзывается на его состояние.

Некоторое облегчение наступило только на пятый день — в среду. Облегчение только в области дыхания. Слабость же чисто физического характера, вполне объяснимая, по словам доктора, той страшной встряской, которую перенес организм, продолжается и по сегодня. В. К. не может поднять голову с подушки, не говоря уж о том, что и не пытается сесть, даже на кровати.

Сегодняшний номер я снова делаю под его руководством, так как он самостоятельно не может ни писать, ни читать — все та же слабость. Однако, я уверена, что железный организм В. К.

НОВАЯ КНИГА!
ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ
И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ КНИГА
С. В. КОРСУНЕЦ
СКВОЗЬ БУРИ

ИЗДАНИЕ АВТОРА

Цена книги — Ам. \$ 2.00

Книгопродавцам — обычная скидка.

Склад издания:
Издательство "Наша Страна"
VSEVOLOD DUBROWSKY
"Nuestro País"
Casilla de Correo 2847, Buenos Aires,
República Argentina

сумеет справиться с постигшим его несчастьем и в этот раз! Подумать только, за неполные 8 месяцев он справился с тромбозом и кровоизлиянием в мозг, и — теперь еще — с сильнейшим сердечным припадком, потрясшим весь его — уже больной — организм. Мы оба благодарим Господа Бога за Его Помощь и помним всегда, что и без вашей дружеской поддержки мы едва ли справились бы с докторами и аптеками...

Татьяна Дубровская

12 сентября 1960

НА ПОКРЫТИЕ РАСХОДОВ ПО ЛЕЧЕНИЮ В. К. ДУБРОСКОГО поступили следующие суммы:

от П. М. Смыкова — 10 австрал. шил., от Н. Г. Китаева — 2 австрал. паунд., от И. С. Коморова — 10 австрал. шил., от С. Р. — 1 австрал. паунд., от С. Ф. — 1 австрал. паунд., от Г. В. Федоренко — 1 австрал. паунд., от Н. Е. Березовского — 1 австрал. паунд., от Е. В. Паркер — 1 австрал. паунд., от "ХХ" — 200 арг. песо, от В. М. — 5 дол., от МОР — 20 нем. марок, от А. Н. и С. В. Гротовых — 7 дол., от Т. И. Лютова (за авг. с. г.) — 10.00 др., от В. Старикова — 5.00 фр., от М. М. Кутеповой — 1 доллар.

БИБЛИОГРАФИЯ

С. КОРСУНЕЦ. — СКВОЗЬ БУРИ

С. Корсунец, давно уже составившая себе известность талантливой писательницы — ее произведения печатались во многих эмигрантских журналах — издала теперь книгу, в которую вошли несколько рассказов и сказок, а также драма, в которой трагические события 1917 года искусно переплетаются с личной трагедией главных персонажей этого сценического произведения.

С. Корсунец дала своей книге название "Сквозь бури" и в ней она действительно ведет читателя сквозь бури войн и революций, но ведет не путем ужасов, а путем лиричным с женской чуткостью к радостям и горестям своих персонажей, с симпатией к добрым, с жалостью о злых рисует она души человеческие, души маленьких людей, захваченных грандиозными событиями. А то, что она обозначила словом "сказки" это — аллегория, это — фантазия, в которых смысл событий и явлений нашего бурного времени выявляется многогранно, продуманно, правдиво и изящно, а главное — без пессимизма: Зло не победит.

Читатель, привыкший к советской беллетристике, полной "реализма", и к модным теперь реалистическим тенденциям литературы по сю сторону Железного Занавеса, не найдет в книге "Сквозь бури" раздражающих, нервнующих образов и фраз: стили классических образцов отечественного литературного творчества придерживается С. Корсунец и в этом — очарование ее книги.

Е. Мхов

Т. В. Дубровская очень просит не посещать больного Всеволода Константиновича, согласно запрещению врача. По всем вопросам, касающимся состояния здоровья В. К., или по делам газеты, просьба обращаться и сключительно по телефону 52-7426.

Контора газеты "Наша Страна" очень просит г.г. подписчиков, имеющих возможность внести подписную плату за полгода или за год вперед, сделать это немедленно.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ
И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ КНИГА
АЛЕКСАНДРЫ ГАВРИЛОВОЙ
СВЯТЫНИ ЕГИПТА

Книга богато иллюстрирована. Содержит около 300 страниц.

ИЗДАНИЕ АВТОРА

Цена книги — Ам. \$ 3.50

Книгопродавцам — обычная скидка.

Склад издания:
Издательство "Наша Страна"
VSEVOLOD DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires - Argentina

30-го ОКТЯБРЯ с. г. — СКАЗКА
КОНЕК ГОРБУНОК

Предварительная продажа билетов
у М. Базаревич и у А. Баумгартен
795-9539 32-0350

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN

Доктор медицины с дипломами двух университетов: Бухарестского и Рязаро (говорит по-русски).

Лечение и удаление (без боли) и протезирование зубов.

Прием ежедневно от 15 до 20 час.

Boulogne Sur Mer 541
p. 2, dpto. H

Capital T. E. 88-3605

(Один квартал от станции субтеранео "Пуэйрредон" по линии Федерико Лакросе).

ПОРТРЕТЫ
ИКОНЫ, КАРТИНЫ
УРОКИ ЖИВОПИСИ

Л. БАРАНОВСКАЯ, худ. акад.

Вижа Бажестер, Сан Мартин, 344
Тел. 758-0045

... — Вот с весны так маемся, снизив свой голос до шепота, ничего не могла услышать, кон- бабоньки-то этой двое померу и смерть красна, а, вот ехали мрут ребятишки, как мухи, хо- без христианского погребения

"молчи уж" — голос ее был

скают?

Мужиков-то наших с прошлой весне забрали к мужикам ведомо, потеряли их, мужиков-то за озером, пни мы корчевали, то больше так на этой барже лись, крышу бы какую на бар- вери лесные, под ветром, под , куда мужиков-то наших по-

ные поселения", которыми за- ББК", тянулись сравнительно ецкое и сегежское отделения. мидесяти. От обычных "лагер- ствием охраны и пайка. ГПУ н — в большинстве случаев с - топоры, косы, лопаты, по пу- аведение" — и дальше предо- ненной участи.

ришлось побывать ни в одном олько на карте "колоницион- гах и даже фотографиях... Но ла группа интеллигенции того а в свирьском лагере. Я лишен уппе — так же, как и о свирь- благодаря ее усилиям, эти му- звыходное положение. Там бы- понятным причина я не могу весьма относительной свобо- ственных трюках... Чудовищ-

ная физическая выносливость и работоспособность этих мужи- ков, та опора, которую они получали со стороны лагерной ин- теллигенции — давали этим "вольно-ссылным" возможность как-то стать на ноги — или, говоря, прозаичнее, не помереть с голоду. Они занимались всякого рода лесными работами — в том числе и "по вольному найму" — для лагеря, ло- вили рыбу, снабжали ленинградскую кооперацию грибами и яго- дами, промышляли силковой охотой и с невероятной быстротой приспособлялись к непривычным для них условиям климата, по- чвы и труда.

Поэтому я сказал старушке, что самое тяжелое для них — уже позади, что ихних мужиков рано или поздно разыщут и что на новых местах можно будет как-то устроиться — плохо, но все же будет можно. Старушка вздохнула и перекрестилась.

— Ох, уж дал бы Господь... А что плохо будет, так где те- перь хорошо? Что там, что здесь — все одно — голод. Земля тут только чужая, холодная земля, что с такой земли возьмешь?

— В этой земле — только могилы копать, — сурово сказала баба, не проявившая к моим сообщениям никакого интереса.

— Здесь надо жить не с земли, а с леса. Карельские мужики в старое время богато жили.

— Да нам уж все одно, где жить-то, родимый, абы только жить дали, не мучали бы народ-то... А там, хошь в Сибирь, хошь куда. Да разве ж дадут жить... Мне-то, родимый, что? Зажилась я, не прибирает Господь. А которым жить бы еще, да жить...

— Молчи уж, сколько разов просила тебя, — глухо сказала баба...

— Молчу, молчу, — заторопилась старуха. — А все — вот поговорила с человеком — легче стало: вот, говорит, не помрем с голоду-то, говорит, и здесь люди как-то жили...

У пристани раздался резкий свисток. Я оглянулся. Туда по- дошла новая группа Вохра — человек с десять, а во главе ее шел кто-то из начальства.

— А ну, бабы, на баржу грузись, к мужикам своим поедете, медовый месяц справлять...

На начальственную шутку никто из вохровцев не улыбнулся. Группа их подошла к нашему биваку.

— А вы кто здесь такой? — подозрительно спросил меня командир.

Я равнодушно поднял на него взгляд.

— Инструктор из Медгоры...

— А-а, — неопределенно протянул начальник и прошел даль- ше. — А ну, собирайся живо, — прокатывался его голос над талпой баб и ребятишек. В толпе послышался детский плач.

— Ужо четвертый раз грузимся — то с баржи, то на баржу, — сказала старушка, суетливо подымаясь. — И чего они думают, прости Господи...

Угрюмый вохровец подошел к ней.

— Ну, давай, бабуся, подсоблю...

— Ой, спасибо, родименький, ой, спасибо, все руки себе по- надрывала, разве бабьей силы хватит...

— Тоже — понабирали барахла, камни у тебя тут, что ли? — сказал другой вохровец.

— Какие тут камни, родимый, последнее ведь позабирали, последнее... Скажем, горшок какой — а без него как? Всю жизнь работали — а вот только и осталось, что на спине вынесли...

— Работали — тоже, — презрительно сказал второй вохро- вец. — И за работу-то вас в лагерь послали?

Баба встала со своего сундука и протянула вохровцу свою широкую, грубую, мозолистую руку...

— Ты на руку-то посмотри — такие ты у буржуев видал?... — Пошла ты к чортовой матери, — сказал вохровец, — давай свою скриню, бери за той конец.

— Ой, спасибо, родименькие, — сказала старушка, — дай вам Господи, может твоей матери кто поможет — вот как ты нам...

Вохровец поднял сундук, запнулся за камень...

— Вот, мать его... понатыкали, сволочи, камней. — Он со свирепой яростью ткнул камень сапогом и еще раз неистово выругался.

— О, что ты, родимый, разве же так про Господа можно?..

— Тут, мать его, не то что, Господа, а... Ну, давай, воло- кем, что ли...

Странная и пестрая толпа баб и детей — всего человек в пятьсот, с криками, воем и плачем уже начала переливаться с дамбы на баржу. Плехнулся в воду какой-то мешок. Какая-то баба неистовым голосом звала какую-то затерявшуюся в толпе Маруську, какую-то бабу столкнули со сходней в воду. Вохровцы — кто угрюмо и молча, кто ругаясь и кляня все на свете — то волокли все эти бабы узлы и сундуки, то стояли истуканами и исподлобья оглядывали этот хаос ГПУ-ского полона.

Дневник Наблюдателя

ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Друзья обычно имеют точки соприкосновения, пункты общения, где они обмениваются общими суждениями, общими желаниями и где они совместно действуют на благо друг другу и объединяющим их идеалам. Сегодняшнюю записку удобно посвятить точкам, где таким образом соприкасаются вот уже свыше сорока лет сосуществующие друзья: демократии — свободная с одной стороны, и самая свободная, иначе именуемая себя народной — коммунистическая.

Прежде всего они соприкасаются в Конго. Здесь, в стране слонов, крокодилов и обезьян, трагедия продолжается.

Обыватели в Европе потешаются над забавными именами негритянских вождей XX века, но жаль, что эти же обыватели так редко думают о тягчайших страданиях, постигших негритянское население в связи с тем, что европейским прогрессистам пришлось в голову дать свободу и независимость населению колоний. Обвиняют бельгийцев в том, что, да, те раньше не заботились об обучении негров: не строили, да, школ и больниц, — вот вам, дескать, и результат — тысячи мертвых. Но ведь дело-то хуже, господа! Бельгийцы дали неграм больницы. Школы тоже были и есть. Иначе — откуда бы Лумумбам взяться? Ведь он образованный человек! Но спрашивается — чему же в школах-то учили? Учили благородству независимости, благородной гордости, учили уважать самоуверенность, сознание собственного достоинства и т. п. Вот и научили. Теперь приходится пожирать плоды просвещения.

В общем, — политической картины в Конго сейчас нет. Там просто пыль столбом. Головки, т. е. те, кто получили европейское обучение, все эти Лумумбы, Касавубы, Чомбэ и им подобные, выступают в парламенте, то снимают друг друга с работы, то вновь назначают, то меняются местами (теперь уже Лумумба президент, а Касавубу — премьер), то оказываются во вражде, то мирятся.

Задача Лумумбы покорить себе все Конго. Задача Чомбэ — отстоять свободу Катанги и Каса. По этому поводу происходят (пока еще не чрезмерно) кровопролитные бои. Гражданская война. Лумумба показал себя красным. Чомбэ не хочет коммунизма. Касавубу еще не определился.

Бельгии интересно, чтобы выиграл Чомбэ, так как это восстановит шансы бельгийцев, лишенных места жительства после торжества свободолобия в Конго. И Бельгия помогает Катанге. Лумумба же хочет получить в себе и за неимением лучшего друга, принимает помощь, широкой рекой льющуюся из Москвы.

Айзенхауэр порицает одностороннюю акцию СССР, а СССР порицает одностороннюю акцию ООН, а самое-то войска ООН в самом Конго из всех сил ничего не делают. Хаммершильд мечется туда-сюда и понять его роль никакой возможности нет. То ли он провоцирует гражданскую войну всерьез, то ли он помогает Хрущеву, то ли он помогает бельгийцам? То ли он хочет мира или же он хочет войны? Во всяком случае, он действует, придерживаясь регламента и упрекнув его в некорректности к Хартии Организации Объединенных Наций нельзя ни под каким видом. А люди? Да кто о них думает? А тем более, что речь идет о черных... Ведь тут же нет речи о расовом вопросе!.. Думается, что дело идет либо к тому, что Конго отойдет ко владениям Хрущева, или о том, что оно окажется яблоком раздора и поведет к войне. Впрочем, совбезоон (догайтесь-ка, что это такое!) позаботится, чтобы войны не было, и Хрущев будет торжествовать, как его дело уже торжествует на острове Куба.

Здесь тоже пункт соприкосновения. Приходится поражаться тому, что наши прогнозы относительно Кубы исполняются, как по часам. Мировые политики потом уже пользуются нашими терминами! Вот и теперь. Газеты все пишут о конфискации американской собственности на Кубе, словно бы Кастро был национальным освободителем хороших латиноамериканцев от злых янки. На самом же деле Кастро конфискует все, всякую частную собственность. Он не

национальный освободитель, а просто большевик. Большинство читателей газет не заметило того, что конфисковано все имущество Римско-Католической Церкви на Кубе. Не замечается также и то, что конфискация ведется методами, точно повторяющими методы русского большевизма, руководимого иностранцами-большевиками. На Кубе сейчас в ходу "рабоче-крестьянская милиция" — сколок с комбедов и завкомов, куда устремляется после революции все, что неспособно обеспечить себе благополучие честным трудом, все, что живет чувством зависти и тщеславия, все, что знает полную свою неспособность добиться удовлетворения вне революции.

Кастро — под защитой Хрущева, советских метательных орудий, под советским экономическим сапогом, собирает народные массы и выпускает при их молчании "Гаванскую декларацию", представляющую собою объявление вражды Сев. Ам. Соед. Штатам. Кастро признает Коммунистический Китай. С ним рвет отношения Национальный Китай, но... Сев. Америка благодушно не исключает Кубу из плана экономической помощи странам Южной Америки. На конференции в Боготе Америка обещает заем в 500 миллионов долларов на поднятие благополучия экономики стран Южной Америки. Куба в том числе. На конференции в Боготе Куба не голосует "за". Куба молчит. Куба выступает со своим мнением: нужна помощь не в 500 млн. дол., а в 30.000 млн. долларов, и притом безо всяких ограничений и на таких условиях, какие диктуют... получатели займа...

Интересно?.. А...

По регламенту, однако, Кастро не заслуживает того, чтобы с ним рвать дипломатические отношения. Ведь он не правый! Это правые неправы, — как утвердительно знает современный мир. А Кастро — левый. Влево он и тянет. Дипломатических отношений с ним не рвет никто подрывную работу он продолжает и поверьте, шансов у него гораздо больше, чем хотелось бы. В Южной Америке очень много идютов, мечтающих о коммунизме и ненавидящих "янки". Таково соприкосновение США с СССР в КССР (Кубинской Советской Социалистической Республике). А Москва тщательно изучает все пути и средства устройства коммунистической революции в Южной Америке. Для этого даже выписываются специалисты из Америки.

Так, по данным Стэйтс Департамента для разработки планов революции в Южной Америке, в СССР отправился бывший агент Американской разведки, специалист по делам в Южной Америке, некто Морис Гальперин. (Своих Гальперинных в Москве не хватало!). Морис Гальперин гордо ответил Стэйтс Департаменту, что он, да, в Москве находится не для того, чтобы делать Южно-Американскую революцию, а ради того, что по договору с Академией Наук СССР, он делает изучение латиноамериканской экономики, а сам остается лояльным гражданином США и даже недавно ходил ставить отметки на свой американский паспорт в американское посольство в Москве.

А все-таки интересно, — почему бы Гальперину не заняться было изучением русской истории в XIII веке и для этого поселиться, например, в Рио-де-Жанейро? Разве что там жарко... Но формально Гальперин перед США прав, тем более, что его никак нельзя упрекнуть в том, чтобы он был прав. Он же, конечно, — лев!

Но, говоря об агентуре Стэйтс Департамента, приходится сказать, что есть в ее составе и более откровенные советские агенты. Были.

Товарищи Бернон Митчелл и Вильям Мартин работали в шифровальном отделе секретной службы в США. Потом они скрылись. Поговаривали, якобы, они через Кубу ушли в СССР, а потом объявилось, что они уже приняли советское гражданство и выступают в Москве на пресс-конференциях, где обвиняют свою родину в том, что она только и мечтает об атомной войне. Эти товарищи открыли шифры и раскрыли множество тайн "мадридского двора". Получилось скандально и интересно. Это — тоже точка соприкосновения друзей из двух лагерей сосуществования. Шощущешвованьице!

"ДОВОЛЬНО ООН"

В Лондоне издается газета "Сандэй Экспресс". На ее страницах недавно появилась любопытная статья члена парламента, Антони Фелла. Он пишет:

"Пришло время спросить себя, — не пора ли нам совсем покинуть Организацию Объединенных Наций? Не стоит обманывать себя и мир представлением о том, якобы, ООН служит какому-то полезному принципу, или же способствует демократии, свободе или предупреждению войны".

Столь решительных заявлений по этому вопросу в столь значительных изданиях, тем более с тем, чтобы их повторяла мировая печать, до сих пор наблюдать не приходилось.

Развивая свою мысль, А. Фелл пишет, что Организация Объединенных Наций была создана на базе прекрасных надежд, и что составилась она из стран с диаметрально противоположными идеологиями. Единственно, что объединяло страны, которые составили ООН, был страх. ООН не оправдала надежд, которые на нее возлагались. В Конго она превратилась в игрушку, которую злоупотребляют ради интересов отвратного Лумумбы (характеристика Фелла, не наша! Н.). В Африке народилось множество новых стран (к концу текущего года из 240 миллионов негритянского населения Африки — 180 млн. будут объединены в самостоятельных республиках), и теперь ООН постепено скатывается к тому, что эти страны будут составлять там большинство.

"ООН провалилась!" — говорит А. Фелл. — Это было наше творение, и оно нас обмануло обмануло не из-за недостатка добрых намерений, но потому, что она была обречена на провал".

С таким суждением едва ли согласится мадам Рузвельт, Элеонора то есть, которая сейчас, в качестве делегата Сев. Американской делегации, находится в Варшаве на 15-ой сессии Мировой Федерации Друзей ООН.

Мнения, конечно, бывают разными. Но думается, что не найдется никого, кто не согласился бы с тем, что ООН принесла коммунистическому лагерю грандиозную службу. В этой службе совершенно теряется та капля деятельности, что была исполнена ООН вопреки интересам красных. Сегодня становится совершенно ясным, что Хрущев надеется "подмять" ООН под свою руку. Этот раз — окончательно. Может быть м-р Фелл и прав?..

Н.

Но наибольшее сосуществование получается теперь на предстоящей Генеральной Ассамблее ООН (генассоон-е). Как уже пришлось заметить, (см. прошлую заметку), Хрущев решил еще раз побывать в своей вотчине — Нью Йорке. Он теперь едет туда без приглашения, просто как председатель советской делегации ООН. Попросту говоря, он решил "генассоон" превратить в ту самую вершинную конференцию, что не состоялась из-за его... не совсем салонных манер. Он заранее торжествует по поводу того, что Айзенхауэр будет вынужден явиться тоже на "генассоон", ради того, чтобы отвечать ему, Никите Сергеевичу Хрущеву! Аик пока что являться не хочет, но... цыплят по осени. А, между тем, Хрущев приказал всем своим подручным вождям тоже возглавить свои делегации, а троих везет с собою на крейсере "Балтика".

Неизвестно, — кто будет возглавлять делегации Украинцы, и Белоруссии — этих самостоятельных стран, — их премьер-министры или же их постоянные представители при ООН? Во всяком случае, эта Генеральная Ассамблея обещает быть занятой. Не будем исключать возможность и полного поражения США на этой Ген. Ассамблее. Ведь сюда должно уже приехать много новых черных молодых республик (представляющих великие народы великого материка, лежащего в центре мира). А эти господа — не столько черные, сколько красные, так что не надо удивляться, если они введут и Красный Китай в состав ООН.

Еще звучат предостерегающие слова Айзенхауэра, сожалющего о том, что СССР снабжает Конго самолетами и другими средствами, еще не высохли чернила декларации, которую совместно в Москве выпустили Хрущев и премьер-министр Гвинеи, Секу Тур, и которая требует "немедленного прекращения империалистической агрессии ООН в Конго" (читай — США), еще продол-

КАЗНА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
В "Казну Великого Князя Владимира Кирилловича" поступили следующие суммы:

от М. Н. Ляшкова — 3 дол., от Б. Р. Ф. — 120 песо.

В з н о с ы в "Казну Великого Князя Владимира Кирилловича" приняты редакцией "Нашей Страны" и всеми ее представителями на местах.

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕНИ ИВАНА ЛУКЪЯНОВИЧА СОЛОНЕВИЧА

В "Фонд издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича" поступили следующие суммы:

от Марии Марамбеевой — 3 дол., от Л. Е. Соломахо — 5 дол., от С. С. Голвина за сент.-дек. с. г. — 20.00 фр., от Коняева — 10.00 фр., от Б. Р. Ф. — 120 песо.

В Литературный фонд НАРОДНОЙ МОНАРХИИ поступили следующие суммы:

от В. Е. Дымши — 25.00 фр., от П. А. Бабкина — 20.00 фр., от Н. А. В. — 125.00 фр., от Ф. С. Родина — 10.00 фр., от М. Н. Левитова — 30.00 фр., от И. Н. Владимировой — 22.00 фр.,

ПРИМЕЧАНИЕ: Все суммы указываются в новых франках, поэтому и сообщение о пожертвовании от Ф. С. Родина, равное 200 фр., о котором было напечатано в № 545 "Нашей Страны", имело в виду также новые франки, т. е. 20.000 фр. старых. Ред.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА "НАША СТРАНА" И КНИГИ

ИЗДАТЕЛЬСТВА "НАША СТРАНА" В БУЭНОСАЙРЕСЕ

продаются:

в Книжном магазине Бр. Лашкевич, ул. Леандро Алем 1140;

в Киоске В. С. Вербицкого при Храме Воскресения Христова (ул. Нуньес, 3541);

в Киоске Б. Н. Ряснянского при церкви на Облагодо 2130; у газетчика на углу ул. Леандро Алем и Виамонте.

жается игра в мирное сосуществование, а вопрос о том, кто кого будет хоронить в представлении Хрущева уже решен. Он уже готовится точить лопаты, чтобы засыпать могилу капиталистического мира. Его теория мирного сосуществования берет верх: коммунистическая революция может осуществиться без войны!

Сначала он думал, что ему для вершинной конференции придется ждать выборов нового Президента. Теперь не дождался.

Ну, а как же перевыборы?

Есть охотники предугадывать — кто из кандидатов лучше: Кеннеди или же Никсон? Говорят, что, да, Кеннеди католик и это лучше. Но на поверку, Кеннеди такой католик, что и сам не помнит, когда в церкви-то был. Иначе, разве попал бы он в кандидаты? Его предполагаемый будущий министр иностранных дел, некто Честер Боулз уже заявляет, что будет естественным развитием событий, если США дадут дипломатическое признание Красному Китаю и Восточно-Европейским коммунистическим республикам. Никсон, правда, на эти вопросы отвечает пока-что иначе. Симпатично отвечает, правду сказать, но поглядим — что будет дальше.

Нассер же послушал речи обоих кандидатов, т. е. и Кеннеди и Никсона, да и говорит, приблизительно, что они — два сапога пара, потому что оба являются агентами Сионизма и Израиля. Конечно, Нассер может быть и пристрастен. Но мы должны заметить все, что за неделю пред нами прошло на фоне мировых событий. Произошло, правду сказать, мало чего интересного. Все та же толча вода в ступе. Идет борьба за мировое владычество и горе тому, кто попадет между жерновов этой борьбы. Как бы уверен ни был Хрущев в своей победе, напомним ему, что "нэ так будэ як баба шепче, а як Бог велеть".

В конце сентября должна начаться "генассоон". Не даст ли это собрание каких-либо новостей? Вот-то будет точка соприкосновения! Поживем — увидим!

Наблюдатель